

Хи́сть - конье Пересвета

Дягилевский «Пересвет» не случайно второй раз появляется на страницах «Мономаха»; во-первых, это одна из лучших работ мастера, его, так сказать, «визитная карточка»; во-вторых, картина созвучна как названию журнала, так и его направлению: взывать к порою заглушим глубинам народного патристического духа. И какая живопись: напряженная, могучая в фигурах коня и всадника на фоне широко светящего неба; и как созвучны красные щит и древко копья красновато-лиловой раги в сизых волнах тумана (дивное обобщение дальнего плана!); и золотистые степные травы, еще спеленутые утренней росой...

И более ранний «Микула Селянинович» с язычески прекрасным пейзажем и красками свирельной чистоты и напевности. И не возникает вопрос: какая пахота среди этих замшелых валунов – ибо этому гиганту с кротким лицом мудреца «вся возможна», говоря по-старославянски. К этому

полотну особенно применимы слова из книги столичного искусствоведа С. Червонной: «О колорите картин Дягилева трудно говорить без эпитета «драгоценный». Каждый кусочек этой картины самоценен музыкой красок, их контрастами и переливами.

«Звонница в Малах» полна своим напряженным ржаво-золотистым колоритом. Конкретное место России претворено художником в красочную легенду, почти сказание; и та же дягилевская драгоценность живописи, и острый, где надо, рисунок (например, силуэт лошади у стога – контрастом блеску воды). И ритуальным действием воспринимается величавый круговой облет аистов вокруг этой древней колокольни.

И лебединая песня Дягилева – поистине классический портрет Д.С. Лихачева – вот где в полной мере сказались пристрастное изучение великих мастеров живописи: венецианское (от Тициана и Веронезе) многокрасочье «Пересвета» переплавилось здесь

почти в рембрандтовский лаконизм: минимум красок – максимум выразительности. Обобщенный, слегка старчески неуклюжий, поникший силуэт – и глубокая, мудрая печаль в глазах духовного патриарха России. Этот портрет достоин стоять в одном ряду с работами таких классиков портрета, как Нестеров и Корин.

Однако, несмотря на широкую известность, начиная с картины «Командарм Тухачевский» (1969 г.), обозначенной искусствоведами как одно из знаковых полотен советской живописи, Дягилев жил и умер не отмеченным никакими регалиями. Он презирал мельтешенье перед глазами начальства, раздающего звания и награды (ныне, как выясняется, самый верный путь). «Солому буду жрать, но не продамся», - говорил он. Ершистый, непредсказуемый, неприкаянный, несмотря на кольцо достойных друзей-приятелей (музыкант Титов, инженер-поэт Вишневецкий, архитектор Сергиенко, экономист Олейни-

ков), он шел своим единственным путем, обдирая бока о тернии своей одинокой жизни, язычески любя красоту и боготворя «ее Величество Природу» (его выражение).

В витрине недавней выставки Дягилева в областном художественном музее лежала книга отзывов с персональной выставки 1987 года, раскрытая на странице со следующей записью: «Дорогой Анатолий Иванович! Вы делаете огромное дело. У Вас есть собственная индивидуальность в стиле и сюжетах Вашей живописи. Вы – богатырь по природе, по дарованию. Ваша кисть – копье в руках Пересвета. Спасибо Вам. Ваш Дмитрий Лихачев».

Лев Нецветаев

Пересвет. 1982

Звонница в Малах. 1975

А.С. Пушкин. 1976

Портрет Д.С. Лихачева. 1989

Микула Селянинович. 1974

